

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе) ¹⁾.

29 января. Сегодня снова ъздилъ на передопросъ плѣнныхъ японцевъ.

Я говорю, что эта падкость на допрашиваніе плѣнныхъ является прямымъ послѣдствіемъ того, что у насъ ихъ слишкомъ мало и того, что японцы насъ ну что ли подавляютъ. Намъ все кажется, что у нихъ есть что то таинственное или тайное, что можно вывѣдать.

Впрочемъ, на этотъ разъ мнѣ предстояла болѣе интересная встрѣча—впервые допросъ офицера,—такой по крайней мѣрѣ казалась эта встрѣча; на самомъ же дѣлѣ, если я и получилъ какія нибудь новыя впечатлѣнія, то только отрицательныя: я увѣрился, что въ японцахъ не сохранена никакая тайна и нѣтъ рѣшительно ничего таинственнаго.

Поручикъ С. К-ро, когда я вошелъ къ нему въ офицерскую палату 3-го госпиталя, сидѣлъ съ ногами на своей кровати, поставленной въ серединѣ общаго ряда нашихъ больныхъ и раненыхъ офицеровъ.

Онъ, неуклюже и безъ малѣйшаго намека на присущія всеѣмъ европейскимъ офицерамъ тонкія черты сознанія своего достоинства или офицерской взаимной довѣрчивости, отвѣчалъ на мое привѣтствіе, сдѣлалъ, какъ дѣлаютъ все японскіе плѣнные, мину

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1906 г., № 5.

необыкновеннаго изумленія и насторожился, я скажу это не для шутки, а для вѣрнѣйшей передачи впечатлѣнія, — точь въ точь, какъ собака, услышавшая какіе нибудь непонятные звуки.

Я извинился черезъ переводчика за безпокойство и попросилъ поручика, если не затруднитъ, перейти со мной въ отдѣльную комнату.

Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ потянулъ сквозь зубы воздухъ, что служить у нихъ признакомъ окончанія недоумѣнія (а въ сущности продолженіемъ дыханія, сдерживаемаго при смущеніи на моментъ скатія легкихъ), быстро поднялся и пошелъ за нами.

Мы заперлись, усѣлись и начали бесѣду. Поручикъ въ тепломъ халатѣ сидѣлъ на стулѣ, откинувшись на спинку, временами складывая руки на грудь и поварачиваясь ко мнѣ открытымъ невыразительнымъ лицомъ съ коричневыми глазами. Быть можетъ, онъ хотѣлъ скрыть и маскировать спокойнымъ взглядомъ свое волненіе, но его пальцы дрожали, когда я просилъ разобраться по картѣ, а зубы постукивали, когда онъ начиналъ говорить...

Мнѣ такъ было обидно видѣть въ офицерѣ эти признаки безпричиннаго страха. Но въ этомъ я уже не дѣлаю ни малѣйшаго упрека нашему плѣннику. Мнѣ кажется, что положеніе всякаго плѣннаго, у насъ ли, у другихъ народовъ, еще понынѣ такъ ненормально и такъ похоже на положеніе схваченнаго изверга, что едва ли и сами плѣнные иной разъ не сбиваются съ толку и не начинаютъ чувствовать за собой какую то провинность передъ случайными повелителями. По всей вѣроятности и этому поручику, по инерціи боевого возбужденія и чувства вражды, досталось немного въ первые минуты, да и послѣ невесело жилось.

С.К-ро объявилъ себя младшимъ офицеромъ N полка N резервной бригады, жестоко пострадавшаго въ послѣднихъ бояхъ ген. Гриншенберга. Въ ночь на 14 января онъ стоялъ съ заставой, человекъ въ 50, въ дер. Хай-ла-таза на берегу Хунхэ; русскіе обошли деревню съ тыла, напали внезапно, ворвались въ фанзы и всѣхъ перекололи и забрали; онъ самъ раненъ шашкой въ бедро.

Въ началѣ допроса поручикъ довольно вѣжливо, но солидно и твердо отказался сказать, кто командовалъ полкомъ, въ какой арміи состоитъ, сколько въ ротѣ людей, какъ производится питаніе патронами—и отвѣчалъ, что это свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ онъ сообщать не вправѣ. Но позже онъ соскользнулъ съ этой почвы и проговорился о такихъ вещахъ, о которыхъ лучше было бы отклонить всякую бесѣду.

Наиболѣе интересными были его отвѣты на щекотливые «пункты» нашего вопросника. На вопросъ о любимыхъ и нелюбимыхъ генералахъ онъ сказалъ, что покоритель Портъ-Артура Ноги страшно суровъ и требователенъ и въ то же время мало заботится о солдатахъ, а Куроки, напротивъ,—самый заботливый начальникъ. Но любятъ въ арміи тѣхъ начальниковъ, которымъ подчинены. Поручикъ похихикалъ, когда я ему задалъ этотъ вопросъ, но онъ еще и не думалъ, какія странныя вещи меня интересуютъ.

—А скажите, пожалуйста, вѣрятъ ли у васъ въ побѣду надъ Россіей? Онъ прямо—таки разсмѣялся.

—Зачѣмъ вы спрашиваете такія щекотливыя вещи? На это легче отвѣчать невоюющимъ. Но какъ же мы, воюющіе, можемъ не рассчитывать побѣдить? Тогда нечего и воевать... Одно только ясно, что обѣимъ сторонамъ теперь очень трудно достигнуть этой цѣли.

—А какъ у васъ думаютъ: скоро ли кончится война?

Но К-ро сказалъ, что онъ можетъ выразить только свое личное мнѣніе и просить меня откровенно высказать свое.

Я пообѣщавъ.

По моему, сказалъ онъ, не раньше, какъ черезъ годъ или два. А вы какъ думаете?

Я сказалъ, что не позже Августа.

К—ро былъ пораженъ.

—О гдѣтъ! Такъ скоро невозможно.

—А у васъ въ арміи сильное желаніе міра?

—Нечего объ этомъ спрашивать: вѣроятно, обѣ стороны равно желаютъ міра.

—Ну, а скажите, поручикъ, желали бы вы вернуться изъ плѣна теперь же по размѣну, или послѣ войны?

Онъ подумалъ немного и отвѣчалъ рѣшительно.

—Теперь же.

—Но вѣдь васъ опять поставятъ въ строй?

—Офицера, который отпущенъ на честное слово, на войну не пошлютъ.

—А если у васъ никто этого слова не возьметъ?

К—ро опять разсмѣялся.

—Такъ какой же дуракъ не скажетъ, вернувшись, что далъ честное слово?... А впрочемъ, добавилъ онъ, тамъ, пожалуй, еще и не повѣрятъ,—тогда ужъ лучше послѣ войны!...

—Вотъ тебѣ и «хара-кири»...

Покончивъ съ вопросникомъ, я показалъ японцу наши 4-хъ и 2-хъ верстных карты. Онъ ориентировался мгновенно и, не умѣя по русски читать, не задумываясь и, видимо, не ошибаясь, показалъ деревню, у которой былъ взятъ. О Ляоянской 2-хъ верстной картѣ онъ отозвался съ большой похвалой, но, когда я спросилъ его, могъ ли бы онъ по этой картѣ опредѣлять разстоянія для ружейной стрѣльбы, — поручикъ, отвѣтилъ, нѣсколько недоумѣвая, что прицѣлы опредѣляются не по картѣ, а глазомѣромъ. Въ дѣйствительности же (я это знаю по опыту) наша карта давала полную возможность опредѣлять по ней разстоянія для пѣхотной стрѣльбы. Я спрашивалъ его еще, набросавъ даже чертежъ, существуетъ ли у нихъ въ уставѣ, или въ практикѣ ружейная стрѣльба по площадямъ и перекидная стрѣльба изъ за ближнихъ закрытій. Но К—ро не только отозвался невѣдѣніемъ, но еще спрашивалъ, увѣренъ ли я, что японцы стрѣляли такимъ способомъ въ эту войну?

Довольно однако, — я вижу самъ, что удѣлили слишкомъ много мѣста своему новому знакомому и мѣста, по правдѣ сказать, совершенно не заслуженнаго. Пожалуй цѣннѣе и лучше было бы о немъ сказать только то, чѣмъ закончу. Я съ тайной радостью чувствовалъ при этой первой встрѣчѣ съ японскимъ офицеромъ, что, не взирая на всѣ ихъ побѣды и ореолъ таинственной силы, которыми они окружены, — для меня, русскаго офицера, онъ все таки оставался «макакой» и «ходей», я чувствовалъ, что мнѣ онъ не товарищъ и не ровня и что я, безотчетно и неожиданно для самого себя иначе, какъ покровительственно не могу къ нему относиться. И тоже чувствовалъ «ходя». — Пусть это будутъ чисто-субъективныя взаимоотношенія мои съ К—ро, но я не могъ не придать имъ громаднаго значенія: для меня въ нихъ слышится наша непобѣжденность, наше торжество и превосходство духа надъ сильнымъ только покуда, но не на вѣки, врагомъ.

Отъ К—ро мы отправились съ переводчикомъ Кимомъ въ 7-й сводный госпиталь къ плѣннымъ солдатамъ. Теперь ихъ уже гораздо больше, чѣмъ бывало до середины зимы, — цѣлыхъ двѣ палаты. И ихъ настроеніе тоже очень далеко отъ «хара-кири». Въ палатахъ шумно и весело, больные перекликаются, ходятъ другъ къ другу въ гости, смѣются и охотно говорятъ о предстоящей, по ихъ мнѣнію, поѣздкѣ въ Москву. Въ госпиталѣ порядокъ, чистота и содержаніе ихъ выше всякихъ похвалъ, — я видѣлъ смѣну бѣлья, одѣяла, шинели, туфли, обѣдъ, видѣлъ обращеніе съ ними служи-

телей, докторовъ и сестеръ и восхищался прямо отъ сердца, — вотъ это по истинѣ гуманное и достойное отношеніе къ плѣнному.

Мы опросили 7 человекъ, — трое солдатъ изъ роты поручика К—ро, выдавшие намъ, что онъ не младшій офицеръ, а ротный командиръ изъ запаса и четверо — солдаты 36-го полка 9-й бригады. Особенно любопытныхъ отвѣтовъ не случилось. Только вопросъ объ освобожденіи изъ плѣна вызывалъ, вопреки раздутымъ похваламъ, все тотъ же циничный отвѣтъ: теперь, если дадите свидѣтельство о ранѣ, чтобы не вернули въ строй, а не дадите — такъ лучше послѣ мира.

Но въ общемъ не могу не сказать: славные солдаты; живые, смѣшленные, чистые, самолюбивые, а человека три было такихъ, что просто, какъ свой можетъ понравиться, — глаза довѣрчивые, отвѣты дружелюбные и, странное дѣло, — эти солдаты наименѣе типичны. Ужъ нѣтъ ли у японцевъ какого нибудь племени нашимъ сродни?

Послѣ обѣда неожиданно встрѣтился съ П. Онъ счастливъ: въ карманѣ предписаніе сдать немедленно сотню и ѣхать въ штабъ 1-й арміи.

31 января. Въ штабѣ большое движеніе въ развѣдочномъ и строевомъ отдѣленіяхъ: полученъ цѣлый рядъ донесеній, все объ одномъ и томъ же. Сто японскихъ драгунъ во главѣ полчища хунгузовъ отъ 700 до 3000 человекъ пробрались по нейтральной территоріи западнѣ Монгольской границы и угрожаютъ нашей дорогѣ. Близъ Гунчжулина уже было первое нападеніе на мостовую падь и разрушена мостовая настилка.

Быть можетъ, начинается довольно интересная и крайне сложная по политическимъ комбинаціямъ партизанская война.

Среднія двѣсти верстъ протяженія нашей желѣзной дороги изъ Харбина въ Мукденъ проходятъ параллельно Монгольской границѣ всего лишь въ 50 верстахъ отъ нея. Къ западу отъ этой границы лежитъ «нейтральный Китай», а въ сущности владѣнія различныхъ Монгольскихъ князей, болѣе или менѣе расположенныхъ къ намъ, склонныхъ отложиться отъ Китая и не имѣющихъ понятія о японцахъ.

На ихъ территоріяхъ не могутъ появляться регулярныя войска ни одной изъ воюющихъ сторонъ. Обѣимъ, слѣдовательно, остается только одно: оперировать тамъ такими силами, которыя не

нарушали бы нейтралитетъ Китая. Японцы послали небольшіе кадры драгунъ для вылазокъ съ хунхузами черезъ границу на нашу дорогу. Для насъ теперь возникла довольно трудная задача — изловить эти отряды: мы можемъ высылать регулярныя части (и выслали уже) только до границы.

Я думаю, что все это можетъ разрешиться только объявленіемъ мѣстной несостоятельности нейтралитета Китая и переходомъ нашихъ войскъ на территорію владѣній Монгольскихъ князей. Иного рѣшенія не можетъ и быть — не подвергаться же намъ опасности полного перерыва единственной коммуникаціонной линіи.

1 февраля. Послѣ обѣда, чтобы перебить свои однообразныя и тяжелыя думы, я поѣхалъ въ «тихую пристань» паломникомъ къ нашему отцу Іонѣ. Завтра праздникъ и случилось, какъ я и рассчитывалъ, — онъ служилъ всенощную въ походной церкви своего лаврета.

Я вошелъ въ громадную палату, импровизированную изъ машиннаго зданія желѣзнодорожной мастерской, когда всенощная уже шла въ началѣ второй четверти. По всему квадрату зала, обширнаго, какъ дворъ или плацъ, были разставлены во много рядовъ кровати, на нѣкоторыхъ изъ нихъ лежали раненные, а впереди, обогнувъ полукругомъ лѣвый уголъ палаты, стояла толпа въ сѣрыхъ халатахъ и усердно молилась; изъ за людей было видно только верхнюю часть освѣщеннаго иконостаса, оттуда же, подъ досчатымъ потолкомъ на столбахъ, закрывшимъ желѣзный куполь, разносилось стройное пѣніе. Я пробрался между молившимися прямо съ «одра страданій» и остановился въ толпѣ, чтобы не становиться на глаза отцу Іонѣ.

Мнѣ казалось, что появленіе знакомаго лица можетъ такъ или иначе отразиться на его настроеніи. Только напрасно я это думалъ: что могло смутить его искренность и что могло прибавить или удалить стройности въ его благообразномъ и благоговѣйномъ служеніи. Онъ истинно священнодѣйствовалъ и съ умѣлъ окружить свою походную церковь и службы такимъ простымъ, но чистымъ благодѣніемъ, что не знаю, гдѣ бы и молиться готовому молиться, какъ не здѣсь.

Крехотный бѣлый иконостасъ съ живописью въ свѣтлыхъ тонахъ¹⁾, освященный огоньками свѣчей прозрачнаго воска, весь блестящій чистотой, — точно горѣлъ горнымъ свѣтомъ въ углу этой громадной полутемной палаты; простое, но стройное пѣніе съ ве-

дуцимъ и молящимъ дискантомъ одной изъ сестеръ и тихій, нѣжный голосъ отца Іоны, — все гармонировало, все было цѣльно и говорило мнѣ, какъ и другимъ, о любви здѣшняго пастыря къ этой маленькой церкви. Отецъ Іона былъ въ черной мантіи, простой, но такъ умѣло избранной и накинутаой, что онъ выглядѣлъ въ ней точно проповѣдникомъ, сошедшимъ съ картины. Всѣ его выходы и движенія, каженіе, благословеніе, молитвы, поклоны, возгласы — все было такъ продумано, такъ просто и такъ непрестанно — сознательно исполнялось, что если я и не молился, то непрестанно радовался. И одна такая радость можетъ замѣнять молитву, успокаивать и умиротворять пришедшаго въ церковь.

Когда прикладывались къ иконѣ праздника и подходили къ отцу Іонѣ для помазанія елеемъ, — онъ впервые меня увидѣлъ, но ничѣмъ не выразилъ, что между нами есть иныя вѣи — церковныя отношенія и мы поклонились другъ другу молча глубокимъ поклономъ.

Я даже не зналъ, замѣтилъ ли онъ меня, — и вдругъ въ концѣ всенощной, когда священникъ поминаетъ передъ Царскими вратами имена людей, близкихъ его церкви и ему, — я услышалъ три послѣднихъ имени — свое, сестры и матери.

Послѣ службы отецъ Іона вышелъ ко мнѣ изъ алтаря съ освѣщеннымъ хлѣбцемъ и поблагодарилъ за посѣщеніе.

Я провелъ у него еще долгое время «вмѣстѣ съ нимъ», его причетникомъ — монахомъ, отцомъ Кузьмой, мы пили чай и ужинали и толковали на темы, впервые заинтересовавшія меня за послѣдніе дни.

2-го февраля. Обѣдалъ и остался на вечеръ у П—й. За ужиномъ, какъ и повсюду до сихъ поръ, все спорили о Стесселѣ и Портъ-Артурѣ. Судя по всему, что слышу, — Стессель не будетъ героємъ.

3-го февраля. Съ первой же минуты начала занятій въ штабѣ на наше отдѣленіе рухнули тревожныя вѣсти и навалилась громадная, спѣшная работа. «Срочно», «экстренно», «немедленно» — пѣлая кипа телеграммъ и печальныхъ донесеній. Перваго февраля три сотни пограничниковъ съ двумя орудіями выступили, по приказанію генерала Чичагова, изъ Гунчжулина, Фендзіатуня и Куанчендзы для преслѣдованія и «уничтоженія» японцевъ и хунхузовъ, разрушившихъ мостъ; отрядъ настигъ японскую сотню, разбилъ ее, погнался и налетѣлъ на два кавалерійскихъ полка, два баталіона и 4,000 хунгузовъ... Убитые, раненные, командиръ одной изъ

¹⁾ Подарокъ редактора «Гражданина» Кн. В. П. Мещерскаго и Графини Клейнмихель.

сотенъ и два орудія въ плѣну!... Командиръ артилерійскаго взвода вернулся съ 9-ю солдатами, спасшіеся собираются по одиночкѣ къ постанямъ..., а японцы, по слухамъ, съ 11 тысячами хунгузовъ идутъ на Куанчендзы, Бодуне и Харбинь!... Смятеніе, бѣготня, телеграммы, доклады, опасеніе за главные мосты и общее сознаніе и неготовности и безсилія отразить уже не «шайки», какъ оказывается, а отвѣтный непріятельскій рейдъ. Сегодня же будутъ высланы на линію къ мостамъ двѣ *сборныя* роты изъ *выздоравливающихъ* солдатъ и это, кажется, все, что можно выслать изъ Харбина; посланы телеграммы главнокомандующему о высылкѣ подкрѣпленій. Чичаговъ телеграфируетъ съ середины дороги, гдѣ его захватили событія, что высаживаетъ шедшіе на югъ эшелоны; велѣно двинуть все разосланныя сотни пограничниковъ... Но, въ общемъ, все сознаютъ, что мы не сильны и, главное, не организованы, и серьезно тревожатся даже за мостъ на Сунгари, упирающійся въ Харбинь.

До 3-хъ часовъ мы кипѣли, повелѣвали и доносили по телеграфу и телефону во все концы. Въ 3 часа затихли и успокоились, — точно все устроили и разошлись до завтрашнихъ вѣстей, а завтра могутъ получиться вѣсти, еще серьезнѣе сегодняшнихъ. Рейды развиваются быстро.

4-го февраля. Въмѣсто развитія тревоги вѣсти изъ Монголіи, съ постовъ и отъ Гиринскаго комиссара сегодня успокоительнѣе вчерашнихъ, не только нѣтъ указаній на развитіе рейда, но даже и первыя донесенія стали смягчаться: въ стычкѣ 1-го февраля у японцевъ было всего лишь 8 эскадроновъ и 4 роты пѣхоты, посаженной на коней, мы потеряли не двѣ, а только одну малокалиберную пушку. По послѣднимъ свѣдѣніямъ японцы идутъ на Фуланченъ къ Бодунѣ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ Лода. Онъ уже сдалъ свою сотню и завтра отправляется дальше въ штабъ 1-й арміи, а пока отправляется въ циркъ, едва ли мы увидимся раньше утра. Лода веселъ, бодръ, полонъ надеждъ. Мнѣ его радость понятна—она такъ подчеркиваетъ мое положеніе.

Чувствую самъ, какъ безцвѣтны и пусты становятся мои дневники. Я пишу ихъ уже неохотно, въ нихъ отражается мое состояніе духа, уже не реагирующаго больше на окружающую жизнь.

8-го февраля. Сегодня допросъ плѣнныхъ японцевъ на сборномъ этапѣ, гдѣ я давно кажется не былъ. Подробностей я уже не стану записывать,—все то же и отъ подробностей, которыми и

такъ тяжелы мои дневники, впечатлѣнія для тѣхъ, кому пишу, не станутъ сильнѣе.

Мнѣ хочется только еще разъ сказать, еще разъ подтвердившіяся сегодня мои общія впечатлѣнія отъ японскихъ солдатъ, что за славный, симпатичный народъ! Живые, веселые, смѣшленные, благообразные...

Но... хвала япошекъ, въ общемъ отзывѣ, долженъ отмѣтить и тяжелое для ихъ національнаго и военнаго самолюбія, но увѣ! тоже общее явленіе: о харакири, тоскѣ, или задорномъ желаніи вырваться на свободу, чтобы снова стать въ ряды—больше нѣтъ и помину—все поголовно на вопросъ, когда желаютъ освободиться изъ плѣна, теперь же, по размѣну, или послѣ войны, отвѣчаютъ «послѣ» и не скрываютъ, почему: «иначе снова заставятъ сражаться».

12-го февраля. Вечеромъ пришлось быть въ циркѣ въ довольно интересной компаніи. А. официально пригласилъ китайскихъ «генераловъ» Ду и Суна—вице-предсѣдателей Гиринскаго и Мукденскаго бюро. Съ нашей стороны были: А., А. А. В., капитанъ Г., сотникъ С., поручикъ В., я и нашъ переводчикъ Кимъ. Было взято три ложи, въ фойе-буфетѣ былъ приготовленъ чайный столъ съ конфетами, фруктами, ликерами и пирожнымъ. Ду пріѣхалъ съ небольшимъ опозданіемъ, но Сунъ сдѣлалъ выдержку еще внушительнѣй и пріѣхалъ только послѣ перваго антракта. Оба генерала являлись въ сопровожденіи превосходно дрессированныхъ гайдучковъ, которымъ сбрасывали верхнія теплыя курмы, а позже дѣлали условные знаки зажигать спички, едва только кто-нибудь изъ насъ доставалъ папирску.

Я теперь привыкъ къ китайцамъ и, правду сказать, они не производятъ уже на меня такого рѣзкаго впечатлѣнія, какъ вначалѣ. Привыкъ и къ костюмамъ ихъ, и къ манерамъ и къ разговорамъ черезъ переводчиковъ. Я вполне теперь понимаю—почему люди, вернушіеся послѣ долгой жизни на чужой сторонѣ, или въ иной, чѣмъ обычная, обстановкѣ, затрудняются рассказывать о ней и не удовлетворяютъ своихъ любопытныхъ слушателей: все кажется такъ просто и понятно, что не знаешь, о чемъ и говорить. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ я, конечно, исписалъ бы много листовъ, а теперь уже нѣтъ охоты и бумагу марать.

Оба генерала лѣтъ за 50, но живые, веселые. Ду напоминаетъ русскаго цѣловальника былыхъ временъ, но Сунъ благообразный, лучше ложенный. Держатся оба по пріятельски, дѣлаютъ все, что-

бы не нарушить нашъ этикетъ, постоянно вскакиваютъ, здороваясь, благодаря или чокаясь, жмутъ руки обѣими руками, а что они думаютъ—въ душу не влѣзешь! Вмѣстѣ съ ними былъ очень милый, смышленный драгоманъ, сносно говорящій по-русски.

Циркъ для нихъ уже не былъ новостью и либо не производилъ особаго впечатлѣнія, либо они счумѣли это скрыть.

Удивила ихъ только голая «мадама», скакавшая на неосѣдланной лошади.

Въ антрактахъ они угощались довольно охотно и пили *perpetente* съ горячимъ чаемъ безъ отказа.

Благодарностямъ и рукопожатіямъ при прощаніи не было конца.

Когда мы вышли провожать своихъ гостей, — пришлось увидѣть процессію, гораздо красивѣй, чѣмъ пантомима въ циркѣ. Генераловъ дожидались двѣ фудутунки, запряженныя цугомъ по четыре мула, съ конными тѣлохранителями по бокамъ и съ пѣшими скороходами съ громадными фонарями на длинныхъ палочкахъ. Генералы забрались въ свои темныя коробки, въ которыхъ сидятъ съ поджатыми ногами и поѣхали въ бюро.

16 февраля. Кажется, что никогда и никакіе уроки не научатъ русскихъ людей во время креститься. Стоитъ перелистать назадъ нѣсколько страницъ моего дневника, чтобы узнать сколько времени прошло со дня появленія первыхъ извѣстій о движеніи Японскаго рейда въ нашъ тылъ, — и только сегодня, благодаря данному наконецъ объединенію власти надъ войсками двухъ министерствъ (военнаго и финансовъ), Харбинскій гарнизонъ изготовился къ оборонѣ и отраженію внезапной атаки. Да и то еще вопросъ: изготовился ли?

Сегодня назначена первая «учебная тревога». Весь городъ раздѣленъ на участки и 8 офицеровъ отъ штаба, въ ихъ числѣ и я, получили предписанія явиться на участки, зажечь въ 10 ч. утра сигнальныя вѣхи, объявить тревогу и наблюдать за исполненіемъ. Мнѣ назначенъ довольно интересный «Затонскій» участокъ, обороняющій Сунгарійскій мостъ съ сѣвернаго берега рѣки.

Въ 9 часовъ я подѣхалъ къ городскому концу желѣзнодорожнаго моста, по мосту перешелъ черезъ рѣку, любуясь съ громадной высоты красивой панорамой рѣки и рабочаго города, и предъявилъ на сѣверной сторонѣ свое предписаніе начальнику участка — командиру N роты пограничной стражи, ротмистру Н. До 11 ча-

совъ я ознакомился съ общей обстановкой и состояніемъ его «отряда».

Мостъ выходитъ на сѣверный берегъ рѣки на высокую насыпь; поле на весь полукругъ совершенно открыто, только въ верстѣ впереди, вправо отъ насыпи разбросанъ «Затонскій поселокъ». Отрядъ участка составляетъ конный взводъ N сотни пограничной стражи, 70 человекъ учебной команды, 135 человекъ N роты, разбросанные въ трехъ пунктахъ, и одно орудіе на сыни у головы моста. Интереснѣе всего была «артилерія» обороны моста: 5 солдатъ пограничниковъ, изображавшихъ артиллерійскую прислугу, откровенно сознались, что «учебнымъ снарядамъ» обучались, но въ жизнь свою еще ни разу не стрѣляли изъ пушки!

У головы моста на высокой насыпи было сооружено нѣчто вродѣ редута вокругъ сторожки человекъ на 30 — единственное «укрѣпленіе» Затонскаго участка.

Ровно въ 10 ч. я приказалъ зажечь вѣху. Не смотря на то, что «бутылка съ керосиномъ», подвѣшенная къ вѣхѣ, оказалось пустой, такъ какъ «керосинъ еще съ вечера вылили въ лампу», — сигналъ загорѣлся отлично и все задвигалось. «Дежурныя части», — человекъ 15, быстро, въ двѣ минуты, заняли редутъ и дамбу подъ насыпью, черезъ 4 минуты пушка стояла на рельсахъ, черезъ 5—6 минутъ 30 человекъ N роты поднялись въ редутъ, 40 человекъ учебной команды построились подъ насыпью, черезъ 8 минутъ прискакали съ заставы взводъ N сотни, и... вся наличная защита Сунгарійскаго моста, связывающаго Манчжурскія арміи съ Россіей, была налицо! — Остальные люди учебной команды и мостовой казармы N роты были все на постахъ у быковъ, а 50 и 20 человекъ той же роты оставались въ верстѣ впереди, если не больше, для обороны полустанка и Затонскаго поселка. Больше на сѣверномъ берегу Сунгари не было ничего.

Я предложилъ начальнику участка считать, что защита поселка ему не подъ силу и стянуть все, что возможно къ мосту. Черезъ 15 минутъ подошло 30 человекъ отъ разнаго штаба, черезъ 40 минутъ 20 человекъ изъ заставы и черезъ 47 минутъ 62 человека «судовой команды», зимующей въ затонѣ на «крейсерахъ» пограничной стражи.

Мнѣ думается, что, въ случаѣ серьезнаго ночнаго нападенія съ сѣверной стороны, — на утро начальникъ обороны Харбина увидѣлъ бы весь лѣвый берегъ рѣки въ рукахъ непріятеля и едва ли успѣлъ бы его выбить раньше гибели первой фермы моста.

О пограничникахъ, однако, я долженъ отозваться съ величайшей похвалою и съ тѣмъ офицерскимъ восторгомъ, какой они вызываютъ во мнѣ при каждой съ ними встрѣчѣ. Бодро, въ отличномъ, полномъ снаряженіи, безъ малѣйшей суеты,—все выходили на свои мѣста и знали твердо свое назначеніе. Ротмистръ Н. спокойно и разумно распоряжался не только своими людьми, но еще и цѣлымъ баталіономъ саперъ (оказавшихся безъ офицеровъ), работавшихъ случайно подъ мостомъ и привлеченныхъ мною къ оборонѣ.

До трехъ часовъ мы просидѣли около пушки, поджидая «внутреннихъ» враговъ и, только увидѣвъ, что войска за рѣкой расходятся по казармамъ, распустили отрядъ.

Въ полночь мнѣ принесли записку: завтра въ 9 часовъ утра всѣмъ офицерамъ, наблюдавшимъ за исполненіемъ тревоги, явиться на квартиру къ начальнику тыла генералу Надарову для доклада.

17 февраля. Я вошелъ къ генералу Надарову безъ пяти минутъ въ 9 часовъ, какъ показывали мои карманные и его столовые часы, но засѣданіе вокругъ зеленого стола уже было открыто. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ самъ главный начальникъ тыла, по правую руку начальникъ обороны города Харбина Н. А. В., по лѣвую начальникъ штаба обороны капитанъ А. А. В.,—затѣмъ штабъ и оберъ офицеры, причастные къ дѣлу. Позже пріѣхалъ начальникъ штаба тыла.

По первымъ словамъ я услышалъ, что разборъ только что начался. Генераль вель засѣданіе твердо и дѣловито и скоро общая картина обрисовалась совершенно ясно: тревога прошла довольно гладко, но распределеніе силъ, сигнализациа и подготовка участковъ къ оборонѣ требуютъ многихъ поправокъ. Наибольшее вниманіе, какъ и слѣдовало ожидать, генераль удѣлил защитѣ моста и призналъ ее неудовлетворительной. Время отъ времени онъ спрашивалъ у насъ: кто и что можетъ заявить? и мы, въ разбивку, доложили свои замѣчанія. Мои «пункты» объ «артилеріи» Затонскаго участка, объ отсутствіи окоповъ на мѣстахъ вѣроятнаго расположенія дѣпей, о незащищенности порохового погреба, о недостаточности запаса въ три ракеты для условнаго сигнала «три ракеты» (ибо можетъ случиться «отказъ»), объ отсутствіи санитарныхъ средствъ, о несостоятельности сигнализациа вѣхами и флагами¹⁾ и, главное,

¹⁾ Первыми—потому что посреди дымящихся фабричныхъ и заводскихъ трубъ они мало примѣтны, вторыми—потому что при безвѣтріи они висятъ по флагштоку.

о непосильности Затонскому участку защищать и мостъ и поселокъ.—были приняты и занесены въ списокъ поправокъ общаго плана. Заключение моего рапорта, гдѣ я сказалъ, что «мѣстные средства для защиты моста противъ серьезнаго нападенія съ лѣваго берега рѣки совершенно не достаточны», послѣ обмѣна нѣсколькими возраженіями, вызвало приказаніе сегодня же перевести на лѣвый берегъ и поставить въ юртахъ одинъ баталіонъ.

Завтра назначена новая тревога по сигналу «пяти-минутнымъ ревомъ всѣхъ паровозовъ Харбинскаго узла».

18 февраля. Въ 9 ч. утра я уже былъ опять на той сторонѣ Сунгарійскаго моста. Внизу, надъ насыпью, уже стоялъ баталіонъ, а наверху у пушки волновался командиръ баталіона. Положеніе его дѣйствительно не завидно: баталіонъ сформированъ 15 февраля, а вчера его уже прислали за мостъ,—почти что «съ одною душой», какъ жаловался въ старину Екатерининскій солдатъ, спасавшійся на каменный островъ послѣ Роченсальмскаго боя. Но что же дѣлать—на то и война. Лучше баталіону пострадать день, другой, чѣмъ мосту остаться безъ защиты. Офицеры въ баталіонѣ въ разныхъ формахъ, только что изъ Россіи, и не то съ тревогой, не то съ знакомымъ мнѣ чувствомъ невѣдомой первой опасности, спрашивали меня: правда ли что можетъ разыгратъ бой и близко ли уже японцы?

Въ 9 ч. 50 м. отъ станціи донесся ревъ паровозовъ, и я приказалъ зажечь вѣху. Минуть черезъ 5, черезъ 10 все было на мѣстахъ и мы убѣдились, что теперь Сунгарійскій мостъ если не въ безопасности—то, по крайнѣй мѣрѣ, не легко достанется врагамъ...

Въ 11 ч. тревога закончилась и я поѣхалъ въ штабъ.

Во время занятій ко мнѣ подошелъ полковникъ К.

— Читали приказаніе?

— Какое?

— Главнокомандующаго отъ 8 февраля.

— Нѣтъ. О чемъ?

— Да съ вашей фамиліей.

Я даже не сообразилъ, что могло быть мнѣ въ приказаніи.

— Нѣтъ, не читаль.

— Такъ читайте же, голубчикъ, поздравляю!

И онъ прочиталъ эти радостныя строки:

«Главнокомандующій приказалъ N-го полка капитана Адамовича, состоящаго въ прикомандированіи къ штабу тыла арміи, при-

командировать, для несенія службъ въ распоряженіе командующаго 3-й Маньчжурской арміей».

8-го февраля. За что же лишнхъ 10 дней я дожидался? Ну, да что теперь разбираться! Конечно и слава Тебѣ Господи!

Я ѣду впередъ туда, гдѣ хотѣлъ служить, гдѣ увижу все, что меня интересуеъ и что, Богъ поможетъ, сьумѣю записать.

21-го я выѣзжаю. Снова бодрый, веселый, ожившій!

Б. Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

